

УДК 94(4)«04/14»
ББК 63.3(4)4
В76

Воскобойников, Олег Сергеевич.

В76 Средневековье крупным планом / Олег Воскобойников. — Москва : Эксмо, 2020. — 240 с.

ISBN 978-5-04-107431-9

Кому в Средние века жить хорошо? И почему все это может быть интересно современному человеку?

Профессор НИУ ВШЭ Олег Воскобойников станет вашим проводником по завораживающему миру Средневековья и расскажет, чем же люди, жившие много веков назад, отличались от нас, а чем — были похожи, откуда черпали вдохновение, как любили, как выстраивали иерархию власти, как воевали. Вы отправитесь в средневековый храм и узнаете, как найти частички Средневековья в современных музеях, сможете посмотреть на историю под новым углом и найдете ответы на множество любопытных вопросов.

УДК 94(4)«04/14»
ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-04-107431-9

© Текст. О. Воскобойников, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Содержание

Incipit (к читателю)	7
Кому в Средние века жить хорошо?	11
Семья и родня	21
Труды и дни	41
Лики власти	73
О праве и бесправии	91
Завтра была война	111
Скромное обаяние знати	129
Дом Божий	153
Эти странные, странные города	179
Свои и чужие, или Несколько заключительных слов о терпимости и нетерпимости	207
Библиография	229

Incipit (к читателю)

Французскому писателю Гюставу Флоберу приписывают крылатое выражение, кое-что объясняющее в названии этой книги: «Бог в деталях». В начале XX столетия его подхватил Аби Варбург, один из основоположников современной науки о культуре, за ним — многие историки наших дней. Некоторые даже стали называть себя «микроисториками». В каждом малозначимом на первый взгляд казусе, в чуде сохранившейся фразе, во фрагменте древнего памятника они сумели расслышать гул тысячелетней истории, в конкретном человеке — характер целого поколения, в отдельном поступке — кодекс поведения. Историки поколения моих учителей, по хлесткому выражению Марка Блока, «людоеды, идущие на запах человечины». Одного из этих классиков — Жака Ле Гоффа — ученики так и прозвали: «историком-людоедом», подчеркивая, конечно, его человеческую доброту, верность урокам Блока и широту кругозора.

Нетрудно догадаться, что, подбирая название для еще не написанной книги, я думал о тех, у кого успел чему-то научиться. В юности кто-то из моих наставников велел мне посмотреть фильм Микеланджело

Антониони «Blow up» (1966), в русском прокате — «Фотоувеличение» (на самом деле, название, как и положено классике, многозначнее). Детали преступления раскрываются здесь благодаря зоркости фотографа, смене оптики, добротной работе с химикатами, качественной фотобумаге. Как выяснилось потом, фильм этот стал источником вдохновения для многих исследователей, как для тех же микроисториков, так и для «Анналов», варбургянцев, иконологов, семиологов. Властители парижских университетских аудиторий 1968 года ходили в кино через день. В результате историк стал не только людоедом, но еще и сыщиком, зорким Шерлоком, желательно таким же независимым, ведомым исключительно собственным чутьем и собственным же азартом. Я хотел было пересмотреть фильм, но отвлекся и решил просто позаимствовать название, постарался воплотить юношеские впечатления, которые наложились на обретенную с годами профессию.

Моя профессия — медиевист. Мой предмет — Средневековье. Но с раннего детства я привык смотреть на мир через видоискатель фотоаппарата, к которому меня приучил отец. Как и многих тогда, меня завораживал момент, когда в проявителе на бумаге возникал образ, воссозданный с помощью небольшой и не слишком хитрой камеры. Эта магия теперь числится по ведомству антиквариата. Тем не менее, не самая вредная, хотя и странноватая привычка подсказала мне, как писать эту книгу, не повторяя то, что многие уже сделали или делают не хуже меня. Не то чтобы я искал повод опубликовать собственные фотографии средневековых памятников. Важнее другое: я хотел бы попробовать вместе с вами, читатель, посмотреть на средневековый мир с разных планов: через «рыбий глаз», через стандартный 50-миллиметровый «штатник», через «длиннофокусник» и, наконец, в режиме «макро». Именно смена фоторежимов, как мне кажется, даст нам с вами возможность рассмотреть наших далеких предков с должной степенью четкости. Иногда нам требуется глубина резкости, для этого мы закроем диафрагму. Иногда, напротив, чтобы выделить индивидуальные, портретные черты, задний план придется размыть. Иной раз линия горизонта окажется важнее, чем травинки и листья на деревьях.

Читателю следует приготовиться к частой, иногда неожиданной смене фокусного расстояния. Это касается не только предметов, попавших в объектив — в конце концов, эта книга не по истории искусства. Речь о людях, понятиях, событиях, преступлениях и наказаниях, даже о тенденциях и закономерностях, которые я по складу характера, может быть, недолюбиваю, но как историк не имею права игнорировать. Средневековый Запад говорил на нескольких языках, поэтому мне показалось важным нередко останавливаться на средневековых словах, вдумываясь в их смысл, в его историческое развитие. Ведь если мы любим называть вещи своими именами, то тем самым мы формируем и самих себя, свою систему ценностей, правила поведения. Но мы также знаем, что наши собственные дети в те же слова вкладывают уже какое-то свое значение, а к любимым нами вещам относятся по-своему. И вот, задумавшись над подобными банальностями, вдруг понимаешь, что средневековая французская *amour* вовсе не обязательно «любовь», а *amitié* не совсем то же, что наша «дружба». Средневековье — оно другое. И его инаковость нужно понимать не как повод посмеяться, поплакать или вскинуть бровь, а как приглашение к диалогу. Как школу терпимости.

И последнее. Я написал эту книгу для всех, кому мир, в котором я живу последние двадцать пять лет, по каким-то причинам интересен. Но я думал, в первую очередь, о тех, кто учится в моей магистратуре, выбрав не самую легкую профессию. Мои «младомедиевисты» научили меня многому, даже если сами о том не подозревают. Я также благодарен моим товарищам по цеху — сотрудникам Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ, коллегам с Факультета гуманитарных наук, с которыми я преподаю и без которых, конечно, никакой магистратуры по медиевистике бы не было. Наконец, мне хотелось бы сказать спасибо Веронике, Ане и Оксане, взявшим на себя труд прочесть эту книгу до того, как она — благодаря им — приняла божеский вид.

Олег Воскобойников,
октябрь 2019 года

SCRIPTORUM PRINCEPS EGO NEC OBITURA DEINCEPS LAVS MEA NEQUE FAMA QUAE

PRIDICAT. EGO INVOCAVI FAMA PER SEECULA VIVAM. INGENIUM CIVIS LIBRI DECUS IND

SIT OGA LITTERA CLAOA SILLITTE. TOTUA SRIPTURA QVEM SIGNAT PICTA FIGI RAGS

CAT BVIVS. QVEM TIBI SEODE DATUM MVNS DECUS ACIPIE GRATVO

Кому в Средние века жить хорошо?

Эта книга — о людях Средневековья.

Мы будем говорить о нескольких десятках поколений европейцев, живших приблизительно с V по XV век. Почему именно европейцы? Потому что наш с вами интерес к Средневековью объясняется тем простым фактом, что все мы, на Востоке и на Западе Европы, — наследники этой великой христианской цивилизации. Нам привычно со школьной скамьи отдельно изучать нашу Древнюю Русь и их, чье-то, но не наше — Средневековье. Это, может, и оправданно, если мы заботимся об образовании ребенка. Но для мыслящего взрослого человека подобное разделение на наше и чужое так же бессмысленно, как разделение на европейцев и русских, Европу и Россию. При всех перипетиях современной геополитики, физической географии никто не отменял, и Европа заканчивается на Урале и Кавказе.

В силу моей профессиональной компетенции я буду рассказывать в основном о Западной Европе. Однако, будучи русским ученым и преподавая главным образом в Москве и главным образом

на русском, я намерен предложить такой взгляд на западного человека, который поможет разобраться в самих себе, в нас, дорогой читатель. Я историк, поэтому мое повествование — помимо моей воли — подчиняется некоторым непреложным законам исторического знания. Я нечасто привожу пространные цитаты из надежных источников информации, созданных в интересующее меня время, не цитирую ни классиков, ни друзей (среди которых тоже есть классики). Но это не значит, что содержащиеся здесь сведения не проверены — их надежность полностью на моей совести. Далее: подчиняясь основным правилам исторического исследования, я все же не намерен предлагать очередную Историю Средних веков. Нет здесь и очерка средневековой Европы. И то и другое — хронологически выстроенные истории и описания Европы — по странам, династиям, политическим и социальным институтам — можно найти во многих книгах. Одни рассчитаны на помощь студентам, другие обращаются к более широкому читателю. Есть обзорные монографии русских медиевистов, есть переводные. Есть такие, которым можно доверять, есть слишком броские, излишне хлесткие, плохо переведенные с английского или французского, есть, наконец, попросту скороспелые и голословные. Любопытный читатель найдет в конце книги список того, чему я лично доверяю. Но главное: у русского читателя есть собственный, не заимствованный с Запада, а укорененный в собственной культурной традиции интерес к прошлому своего западного соседа. По счастью, он не менее силен, чем интерес к национальному прошлому, и он-то и спасает нацию от притязаний на исключительность. Любой из нас, а вовсе не только медиевист, чувствует давнее, но крепкое родство со строителями готических соборов и с героями «Песни о Нибелунгах». Радость, которую испытываешь от ощущения этого родства, объединяющего меня с читателем, и побудила меня взяться за перо.

Но если это не история, то что?

Мне хочется представить средневековых людей, давешних, не похожих на нынешних, но парадоксальным образом именно нам, именно сегодня, понятных. Я не смогу рассказать их историю

в мало-мальски значимых подробностях. Не выведу ни «закономерностей», ни «тенденций». Это не значит, что я отрицаю возможность исторического повествования, что не хочу выстраивать цепочки событий, из которых затем можно вычленить те самые закономерности исторического развития, которых от нас требуют (и мы сами требуем) на экзаменах. Мне просто кажется, что жизнь людей можно и стоит описывать не только как последовательность событий, действий, чувств, мыслей, но и как совокупность тех же чувств, идей и поступков. Мне нужен коллективный портрет. Очень разные люди предстанут перед нами, как конкретные личности, так и группы, и у меня нет никакого желания изображать их с одинаковой прической и при мундире.

Кто же они — средневековые люди? И почему, собственно, люди, а не массы, социальные группы, структуры или государства? Или, напротив, не человек, индивид или личность? Попробуем разобраться. Мои учителя научили меня простой мысли, что история — это про людей. Только для того, чтобы понять их жизнь в далеком прошлом, имеет смысл оперировать «структурами» и «системами». Зачастую, напротив, «структуры», пусть подробно описанные и изученные, заслоняют людей. Этого хотелось бы избежать. Когда мы говорим о «средневековом человеке», в этом тоже скрывается опасность, ведь нетрудно заметить, что человек всегда состоит из рук, ног, головы и что он в общем-то не меняется. Питается, размножается, воюет, мирится, ищет бога. Или богов. Нетрудно выделить в череде тысячелетий одно под «средневекового человека», как выделили временную территорию неандертальцу и ровно 74 года — homo sovieticus. Но все эти «виды» плавно перетекают один в другой, скрещиваются, меняют повадки, места обитания и внешние характеристики. Границы Средневековья размыты в том числе и потому, что непросто отделить средневекового человека от не средневекового.

ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ МОЖНО И СТОИТ ОПИСЫВАТЬ НЕ ТОЛЬКО КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ СОБЫТИЙ, ДЕЙСТВИЙ, ЧУВСТВ, МЫСЛЕЙ, НО И КАК СОВОКУПНОСТЬ ТЕХ ЖЕ ЧУВСТВ, ИДЕЙ И ПОСТУПКОВ.

Традиционно наших героев определяют их принадлежностью к христианству, потому что именно эта религия столетиями определяла основные мировоззренческие устои, картину мира, систему ценностей всей Европы. Советские учебники, по понятным идеологическим соображениям, обычно просто обходили этот каверзный вопрос стороной. Они резонно настаивали на вездесущем характере феодализма как формы поземельных отношений между людьми. Средневековый человек в такой схеме оказывался либо зависимым от власти, угнетаемым крестьянином, либо властью, «феодалом»: этот советский научный жаргонизм сам по себе почему-то навеивает тоску. Христианство и церковь этим базовым принципам

**РЕЛИГИЯ
СТОЛЕТИЯМИ
ОПРЕДЕЛЯЛА ОСНОВНЫЕ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
УСТОИ, КАРТИНУ МИРА,
СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ
ВСЕЙ ЕВРОПЫ.**

с большим или меньшим успехом пристегивали нужную правящим классам идеологию. В задачи медиевистов входило найти региональные и хронологические особенности этих самых феодальных отношений, на их «ранних», «зрелых» или «поздних» стадиях. Оба принципа, условно говоря, идеалистический и материалистический, по-своему приемлемы: и религия, и поземельные отношения, в том числе феодальные, действительно многое объясняли и объясняют. Нужно только

условиться, что христианство никогда, начиная с апостольских времен, не было единым, как никогда не были одинаковыми формы отношений между людьми, которые принято называть феодальными.

И христианство, и феодализм зарождались, развивались, проходили полосы кризиса, стагнации, иногда крутых поворотов. Они в разной степени проникали в умы и сердца средневековых людей на разных землях. Представим себе на минуту, что наши соседи, Литва, еще в середине XIV века, то есть за полтора столетия до условного конца нашей прекрасной эпохи, была крупным языческим княжеством в самом сердце Европы. Представим себе также, что в Исландии

по сей день не шутки ради в повседневной жизни используются некоторые дохристианские обряды. И это не издержки увлечений «реконструкцией», а норма жизни. Наконец, разве сегодня отмерли иерархические лестницы, а в отношениях подчинения отсутствует, например, важнейшая для Средневековья категория верности? Достаточно назвать ее «лояльностью» или «корпоративной этикой», и можно констатировать реинкарнацию Средневековья. Феодализм резонно называют такими отношениями между людьми, которые основаны не на деньгах, не на законодательно оформленных принципах совместного бытия, а на принципах надежности и солидарности между стоящими на разных ступенях индивидами и группами. В одних странах вассал моего вассала мне не вассал, в других — все, стоящие на ступенях лестницы, подчиняясь вышестоящему, подчиняются одновременно общему для всех государю, сюзерену. Современный европеец — законопослушный налогоплательщик и гражданин, даже если он одновременно «подданный» правящего монарха, средневековый — по большей части верноподданный, то есть он подчиняется конкретному государю, и он ему верен. Латинское слово *fidelis* означало одновременно верующего во Христа и верного своему сеньору — так правильнее называть того, кого в советские времена называли феодалом. Вместе с тем далеко не всегда правоверие в религии и верность сеньору, то есть социальная и политическая благонадежность, ставились на одну доску. Поэтому нельзя давать себя обмануть удобным словам. Если твоего сеньора местный епископ или сам папа отлучил от церкви за какие-нибудь непотребства — реальные или воображаемые, тебе, вассалу, еще предстоит решать, что такое верность государю, а что — Христу. Ведь «кесарю кесарево, а Богу Богово» (Мф. 22:21). И вся история средневековых людей, их рутина, как раз история таких ситуаций жизненного выбора.

Вот почему хочется говорить не о человеке, а о людях, а если бы русский язык такое позволял — о «человеках». Средневековье сохранило память о сотнях выдающихся «человеков», личностей незаурядных и одновременно типичных, репрезентативных. Трудно назвать Людовика Святого, Григория VII, Петра Абеляра, Данте или

Жака Кера попросту «людьми». Каждый из них — человек. Король, папа римский, философ, поэт, купец. Каждый уже заслужил не одну биографию, со многих уже написан семейный портрет в интерьере. Абстрагируясь от имен, обобщая, можно писать о варварских вождах, монахах, крестьянах, горожанах, императорах, епископах, маргинальных отщепенцах и властях предрежущих, о своих (христианах) и чужих (иудеях, мусульманах, еретиках и ведьмах), можно об интеллектуалах, а можно — о безмолвном и подавленном большинстве, о трудящейся массе. Все они — средневековые люди, зачастую очень непохожие друг на друга и тем более не похожие на нас.

В поисках объективности мы должны стремиться узнать, как сами средневековые люди встречали невзгоды и радости, грешили и калялись, ссорились и мирились, что думали о себе, кем себя называли и кем называли не себя, а чужих, соседей, друзей и врагов. Ведь мы сами, если, конечно, у нас есть настроение размышлять, кем-то себя называем и от кого-то себя отличаем. С помощью языка, религии, образования, уровня дохода, паспорта. Хотя паспортов в Средние века не существовало, нетрудно найти множество других отличительных признаков. Согласно основным христианским догматам, мыслящий средневековый человек числил себя в потомках Адама, грешником, несущим бремя греха по определению. Но первородный грех был смыт Христом, и Евангелие указало своим последователям пути к спасению. Подчеркиваю: не путь, а пути. Каждому предлагалось сделать свой выбор, причем человек самого низкого рождения, выбирая путь аскезы, монашества, церковного служения, не без труда и упорства, но мог выйти из грязи в князи не только на небе, но и на земле. Точно так же и вчерашний рыцарь или купец, по каким-то причинам «обратившийся», принявший постриг, кардинально менял стиль жизни и стиль мышления. Таким образом, рожденный и даже выросший в одной системе ценностей человек мог окончить жизненный путь в системе диаметрально противоположной. Подобное случалось довольно часто.

Можно назвать это явление привычным термином — «социальной мобильностью». Мне же важно подчеркнуть, что средневековые

люди — не клетки на шахматной доске и даже не фигуры с заранее заданными функциями, хотя Средневековые шахматы очень любило и воспринимало эту игру как метафору своего общества (илл. 2). Любило оно и разного рода двойные — или бинарные — оппозиции. Например, одной из важнейших было разделение на клир и мир, то есть на тех, кто посвятил себя Богу и исполняет таинства богослужения, и тех, кто в Бога верит, ходит на мессу, молится, исповедуется и причащается, но у алтаря не стоит. Ясно, что такое деление, если назвать христианское духовенство жречеством, свойственно большинству традиционных обществ, в том числе в наши дни. Практикуемое во многих странах отделение религии от государства — наследие этого тысячелетнего прошлого. Как и инстинктивное уважение к священнику или монаху (который вовсе не всегда священник) среди атеистов и среди представителей других религий. Мы интуитивно понимаем, что отказ от очень многого привычного в земной жизни ради небесных чертогов есть род подвига, сознательного выбора или, если выбор за вас сделала родня, особая судьба.

Исходя из такой бинарной оппозиции, средневековый монах оказывался на равных как со своей родней, так и со своим сеньором и даже с государем просто потому, что он отказался от самого себя и от привычных радостей и горестей мира, гудящего за стенами обители. Немногочисленные автобиографические тексты и послания частного характера донесли до нас рассказы о том, как менялись люди, отправляясь в паломничество или получая священнический сан. В наши дни тоже многие меняются изнутри, когда что-то в жизни меняется снаружи, будь то зарплата, уровень ответственности или гражданство. Особенность же средневековых перемен такого рода, пожалуй, в том, что координаты были заданы заранее. Монах должен был следовать «Уставу св. Бенедикта», созданному в VI веке. Юный воин, проходя через обряд посвящения

**СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
ЛЮБИЛО
РАЗНОГО РОДА
БИНАРНЫЕ
ОППОЗИЦИИ.
ОДНОЙ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ
БЫЛО РАЗДЕЛЕНИЕ
НА КЛИР И МИР.**